

Татьяна Мартынова

Счет ведет календарь

Дорога к морю

К морю – мы! Ведь туда и обратно!
Так проносятся летние дни.
Эта жизнь, эта жизнь, вероятно, –
Ненадолго, иди, не тяни.
Ненадолго – и эти трамваи,
Ненадолго – присел воробей.
И вопросом мелькнет: «Вам понятна
Нелюбовь к умножению дробей?»
Стриж исчезнет из города с криком,
Но никто не поднимет главы.
Это может быть кто-то безликий?
Это, может быть, я – или вы?
Сокращение сил и усилий,
Бесконечно мгновенный рассвет.
Расцветает среди осени – лилия,
И жасмин, и сирень, и ранет...
Все возможно – на глинистых склонах?
Помешались цветы, деревья...
Мелким кустиком – отдыха зона
Поросла, пробивает трава...
Ты лежишь и тоскуешь в ракушках.
Закрываешь, тоскуя, глаза,
И всерьез размышляешь, что пушка
Может бахнуть. Живешь полчаса...
Ты – обычное население.

Все осилишь. Ну кто как не ты.
Пробивается солнце осеннее.
Небоскребы дошли до черты...
И взглядишься: такая Одесса.
Кто ж скользит по извивам тропы
Меж коттеджных заборов и леса
Новостроек? Конечно же, ты.

* * *

У каждого был врач.
И собственный профессор.
Окно и пыль в окне,
косая глубь двора.
И хриплый Блок, в вине
намывший соль прогресса,
Захватанный Сергей
с допитым полведре.
И – с пушкинской любви,
со сладкого здоровья,
с шипучего Аи
мы начинали путь
в искристое, как ключ,
веселое злословье,
в российский дальний путь,
в несчастья свои.

Перед одной из революций

Тепло еще. Одесса дремлет.
До бунтов есть еще – недели...
Бушлаты выдали. Под землю
Спустили ружья, порох, кремний.
Сухой попыхивает краской
Лист «дикаря», беря балконы
В полон, и с колокольни звоны

Слышнее. Небо крестит наспех
Прошедшие в тень батальоны.
Мы в октябре вдыхаем море,
Мы ищем силу в транспарантах,
Мы даже ватники надели
И подключили дождь к гидрантам.
И свет пролег от Черноморки
К Пересыпи, потом обратно,
Чтоб выгоревшая вся, до корки,
Одесса ожила бы завтра.

* * *

Михаил Афанасьевич в люльке,
Антон Палыч на пешей прогулке,
Все спокойно в России, как встарь.
Но увы, счет ведет календарь.
Подобьет календарь нам итоги,
Век двадцатый уже на пороге.
Призывной скоро грянет оркестр
Для готовых во вдовы невест.
И Волошин в стихах напроорочит,
Кто с Россиею скоро покончит,
Кто ее пролузгал, проплевал,
Кто на площади мерз и кричал
Кто вопил: «А не надо ль землицы?»
И взлетал, и взвивался, как птица:
Все берите, свобода свобод!
Мы граждàне! Не надо нам царства,
Из особого шика, ухарства
Рвал рубаху. Вязал его – взвод.
Есть певцы и дельцы, и крестьяне.
Есть казацкая удаль по пьяни,
И червонцы в любом чемодане,
Хоть германец бери, хоть монгол.
Это удаль несметного люда,
Что не знает ни меры покуда,

Ни цены своих дивных богатств.
Все как сон, все исчезнет на раз.
Будет спущено все: Украина,
Офицерство, попы и равнины,
И паненки, и дочки портних,
И железный забудется стих...
А пока улыбается Чехов,
Между вишен проходит со смехом.
Накрывает сестрица в саду.
И воспитанный в скромности гений
Кофе ждет. И с вишневым вареньем
блюдце тоже сейчас подадут...

* * *

Посвящение Борису Рыжему

Талантливых гробит
Земная мелочь порой.
Красивый умный мальчик, поэт, герой
Нашего времени сволочного...
Родись в каком-нибудь он другом...
Был разорван бы в Персии
На ковре дорогом.
Или замерз в окопе,
Сжимая томик де Сталь.
Или шел по Европе:
«Мама, вот он, Рейхстаг!»

Но... Улеглась Россия
Под берцами наглых братков,
Сипло дозу просила,
Била своих дураков,
Чтобы чужие боялись.
Чтобы спокойно спать.
Сила – она ведь сила.
Такую-то твою мать...